

Укушенный театром

Если уж у нас кого и знают в народе, кроме политиков, - так это артистов. Хочешь стать знаменитым - ступай в актеры. А вот театральных художников у нас почти не знают. С Пашей Каплевичем все получилось наоборот: прежде чем стать известным театральным художником, он закончил школу-студию МХАТ, играл в Ленинградском ТЮЗе, но знаменитым почему-то не стал, хотя до сих пор считает, что в 17 лет был очень талантливым.

Раскрыться таланту помешало... образование.

Читайте на с. 5

Катя Бонч-Бруевич, дочка Тania и Паша Каплевич

Фотограф Валерий ПЛОТНИКОВ

Арт-фотограф Павел Север - 1995 - 28.07.95

Укушенные театром

Как Паша ищет боковые дверцы

Я же с юга, из Туапсе. Я семнадцать лет купался в море, имел в себе энергию клубники, солнца, голых тел, стихии, штормов... И когда меня, такую свободную, открытую индивидуальность, начали вставлять в какие-то рамки, я растерялся. Знаете, вот сороконожка - ходит и не думает. А потом вдруг задумается, как же ходит правая тринадцатая нога, - и все. Она сбивается с ритма и умирает, у нее с мозгом что-то происходит. Вот и мне стали объяснять, что это - для этого, а то - для того, и я разучился это делать. На роли меня еще брали, потому что я хитрый был, находил лазейки, как показаться так, чтобы никто не понял, что я этого не умею. А внутри потихоньку зрело недовольство и профессией, и самим собой. В силу же национальности - есть у меня еврейство в крови - я не вижу смысла пробивать стенку, если что-то не идет. Я тихонечко нахожу какую-то боковую дверцу и иду себе дальше.

Тогда я был женат на художнице по костюмам, у меня было много свободного времени, а дома было много красок. И я в 23 года начал рисовать. У нас ведь вообще стоящих театральных художников, которые закончили театральный институт именно как художники, можно сказать, что и нет. Не в образовании дело - фишку надо сечь. Профессиональные костюмы многие могут сделать, но по-настоящему интересны лишь те, кто сечет фишку, - а их единицы.

Как фишка приходит? Не знаю. Может, нормальный художник, чтобы сделать костюмы к Маркесу, в библиотеку пойдет, а я этот спектакль ("Полковнику никто не пишет" - Авт.) весь по детской книжке-раскраске сделал. Там 12 картинок было - мне хватило.

Как Паша обманывал режиссеров, а актеры обманывали Пашу

Паша не прочь иной раз повздыхать, что режиссеры не понимают роли костюма в спектакле вообще и его гениальные идеи в частности. И, отчаявшись прийти к взаимопониманию, нет-нет да и возмечтает о том, что неплохо бы поработать с Мейерхольдом, которого костюм всегда интересовал, или, скажем, со Стрелером. Правда, тут же поправится, что Стрелеру он, пожалуй, не нужен. Зато те, кто предлагает сегодня работу, частенько не нужны ему.

- Вот с Виктюком я два раза работал - но не работал. И хотя для него костюм очень много значит, я не понимаю, что это такое. Судя по тому, что он делает, мое мышление ему не очень и нужно. Я не делаю рюшки, я стараюсь по костюму что-то "прочитать".

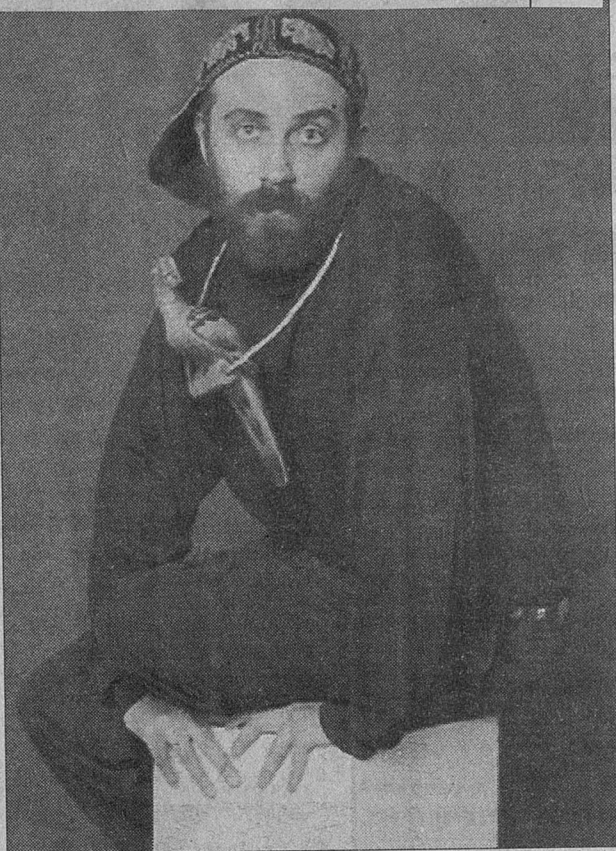
"Женитьба", например, - пьеса про Петербург. Поэтому для костюмов я взял утилитарнейшую одежду: чиновничий костюм, серые пальто. Но через эту серость как будто прорастает что-то, цветочки-розочки, в героях что-то трансформируется. Или "Пигмалион" - ведь это же Оскар Уайльд, только для бедных. У Шоу та же энергия символика, что и в модерне. Даже то, что она фиалки продает, важно. Ведь фиалка - это адаптация цветка модерна. В модерне кувшинка, орхидея, а у Шоу это сведено до фиалки. И цвет лиловый тоже из модерна. Я хотел всю эту историю поднять до уайльдовской, во всяком случае в линии Хиггинса. Другое дело, что Валера Гафт на это не согласился. Он считает, что надевает очень конфликтные костюмы. Но это он так считает. А по-моему, костюмы должны быть в несколько раз конфликтнее. Только тогда они будут иметь смысл.

Так вот, режиссеры. Конечно, приходится их обманывать - а как иначе? В спектакле "Серсо" я достал для Наташи Андрейченко шикарное платье, но, зная характер Анатолия Васильева, принес еще одно, похуже. Наташа надевает "хорошее" платье, проходит в нем мимо Васильева к расписанию спектаклей и быстро уходит в примерную. Переодевается в другое, и я зову Васильева. Он говорит: "Что за гадость, оно же ей не идет! Наташ, а в чем это ты только что выходила?" Она как бы нехотя надевает то платье, первое, и Васильев кричит: "Ну вот! Прекрасная вещь!" Получается, что авторство прекрасного костюма вроде бы принадлежит ему, и он успокаивается. А актеры, в свою очередь, нередко пытаются обмануть меня - та же Лиза Никишичина в "Женитьбе" бегала по сцене в тапочках, а как-то вдруг вышла играть на шпильках. Но мне сразу же о таких вещах докладывают, и тогда происходит страшное.

У меня есть одна идея - я хочу из Олега Меньшикова сделать режиссера. Ведь он прекрасно сможет реализовываться и как актер, и как режиссер. Я планомерно капаю ему на мозг и надеюсь, что в конце концов обрету режиссера, с которым смогу существовать органически.

Про "Пашкин дом", клизму и войлочную коллекцию

Обманывать, однако, надоедает порой даже самым записным врунам - надоело и Паше. Не желая "привыкать к несоответствию", решил он заняться собственным проектом и построить "Пашкин дом" - такой странный центр моды, где сосуществовали бы и художники, и актеры, и музыканты, и поэты - а "клизмом" ко всему было бы кисточкой, ну и сам хозяин дома. Под это дело сочинил Паша коллекцию из войлока и нашел спонсоров. Коллекция Пашина так и пылится где-то, и никому он ее не показывает - не угнался за инфляци-

ей, не раздобыл вовремя дополнительных вложений.

- Я оказался человеком, не адаптировавшимся в новой экономической ситуации. Я умею делать то, что умею: сочинять костюмы, декорации, делать их или находить людей, которые их исполнят, придумывать технологии... Но находить для всего этого деньги я не научился. К тому же человек, однажды "укушенный" театром или кино, без этого уже не может.

В кино, кстати, я делаю иногда довольно странные вещи. Однажды я был... клизмой. На съемочной площадке "Анны Карамасов" режиссер командовал: "Камера! Мотор! Клизма!" Последнее относилось ко мне.

Рустам Хамдамов придумал сцену: героиня Жанны Моро сидит в театре и волнуется. И сумка перед ней начинает "дышать" - волноваться. В сумку мы положили клизму, к ней подвели маленький шланг. И вот Моро сидит переживает, а я, положив голову ей на колени, дышу в эту клизму.

В том же фильме была сцена, где Царевны-Лебеди уходят в воду - а крылья у них были такие тяжелые, что сами они их поднять не могли. И я полз за ними по воде - то одно крыло поправлял, то другое.

Почему Паша Каплевич ремень со смокингом носит

- Что для меня одежда? Это способ или выявиться, или закрыться от мира. Я не понимаю, что это такое - одеться по регламенту, и ношу со смокингом ремень. И вспоминаю при этом Пушкина и Кюхельбекера, которые на вечера, где нужно было быть одетым определенным образом, приходили в русских казакиных, поддевках. Для них это было важно.

Мне куда важнее, как у меня все части туалета между собой соотносятся. Вплоть до нижнего белья. Seriously. Мне очень важно в момент раздевания видеть, что у меня трусы соответствуют верхнему платью. Нет, я конечно, не маньяк. Могу надеть что-нибудь не так. Но меня это будет целый день мучить, у меня будет плохое настроение.

Я одеваюсь очень демократично, мой водитель может быть одет круче, чем я. Недавно вот помогал одному своему товарищу одежду покупать, пришел в салон к Славе Зайцеву, Слава загорелся: о, давай и тебе что-нибудь купим. Я согласился: "Давай, показывай вещи, которые я смогу носить". Он так растерялся, дал мне какое-то пальто и сам же потом признался: "Нет, Паш, конечно же нет. Это должен быть другой способ жить".

Так что приходится что-то придумывать: где пуговицу спорешь, где плечи уберешь. Раньше на Тишинку ходил и много чего там себе купил, спектаклей много там делал. Но вещь тонкой работы там не купишь, они теперь только в антикварных магазинах остались, больших денег стоят. Друзья-артисты помогают, старые костюмы приносят. Вот шапочку себе сшил. Шапочка не простая, с историей. Мне давным-давно приятели подарили знаменитую шапку - ее Родченко для Татлины сшил, она во все "Бубновые вальсы" вошла. Я ее носил-носил и вдруг однажды потерял. Потери было жаль, и решил я шапочку эту воссоздать, все думал: что же она мне напоминает? Оказалось - обыкновенную шапку-ушанку. Теперь две такие сшил - черную и коричневую - и ношу.

Паша о прошлом, настоящем и будущем

- У Тынянова я однажды прочел совершенно гениальное строки, и так они мне понравились, что запомнил почти дословно. Статья называется "Промежуток", и посвящена она Ахматовой, Пастернаку и Мандельштаму. То есть про поэтов, пишущих в "промежуток", в 20-е годы. "На сегодняшний день Мандельштам тих. В чем его сила - в том, что в период безвременья звонкая монета часто оказывается ложной, фальшивой, что мы видим на примере Есенина".

Вот не хочется стать этой звонкой монетой. Тридцать седьмой год живу на свете - и все вроде в промежутке. Подумаешь так: "Когда же жить-то начнем?" И вроде кажется, что все не начинается, и не отпускает обманчивое ощущение промежутка. Хотя я думаю, что, когда наша жизнь закончится, наши дети узнают, что в наше время жили такие невероятные художники...

Владимир МАРТЫНОВ, Юлия ШИГАРЕВА